

Т. 90

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Н. ПАВЛОВА

ЖЁЛТЫЙ, БЕЛЫЙ, ЛИЛОВЫЙ

Д е т и 3
1957

М О И П Е Р В Ы Е К Н И Ж К И

Н. Павлова

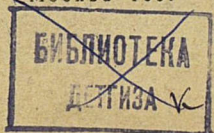
ЖЁЛТЫЙ, БЕЛЫЙ, ЛИЛОВЫЙ

Рисунки
В. Алфеевского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1957

59

694985 кн. ред

Российская государственная
детская библиотека

4747
76/68
39/94

В ЖИВОЙ КОМНАТКЕ

Новорождённый жук слишком много ползал, летал и копошился, празднуя первый день своей жизни. К вечеру он так устал, что не мог пошевелить ни лапками, ни усиками.

Он лежал посередине большого жёлтого цветка. Цветок был не чашечкой,

а лепёшкой и весь из узеньких лепестков, мягкий-мягкий. От него пахло мёдом. И он был ещё тёплый — так сильно нагрело его солнце.

А солнце уже опускалось за пригорок. И небо, которое было голубым, будто на нём цвели незабудки, одни незабудки, стало красным, как будто там распустились маки.

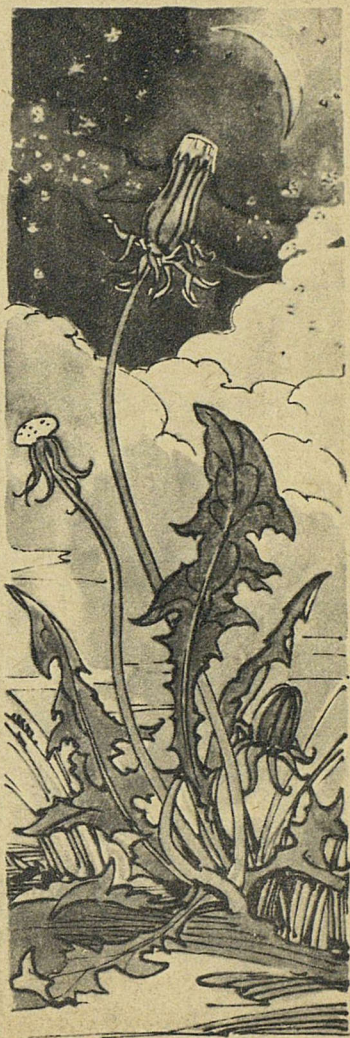
Новорождённый жук смотрел на это огненное огромное небо, и ему вдруг стало страшно. Вот он такой маленький-маленький, а лежит у всех на виду. Запрятаться бы куда-нибудь в тёмную щёлочку... Но он так устал, что не мог пошевелить ни лапками, ни усиками.

Вот на небе загорелась первая звёздочка. Новорождённый жук встрепнулся. Ему захотелось взлететь. Взлететь прямо туда и покружиться вокруг этой сверкающей звёздочки. Но она была так далеко!

Вдруг он почувствовал, что цветок под ним зашевелился. Жук вцепился в него лапками покрепче.

„Может, и ему, цветку, захотелось взлететь?“ — подумал новорождённый. Тут он увидел, что вокруг со всех сторон вырастают жёлтые стены. И они становятся всё выше и выше. А небо — всё уже и уже. Только звёздочка всё ещё сверкает. А вот и она стала меньше. Сверкнула — и погасла. И стало совсем темно, очень темно и тесно.

„Как это цветок вдруг сделался щёлкой?“ — подумал новорождённый жук, засыпая.

На второе утро своей жизни жук проснулся на дне тёмного мешка. Попытался вскарабкаться по мягкой стене, но это ему не удалось. Лапки скользили и проваливались между гладкими узкими ленточками. И он снова падал на дно мешка. И снова пробовал карабкаться ввѣрх. И опять валился.

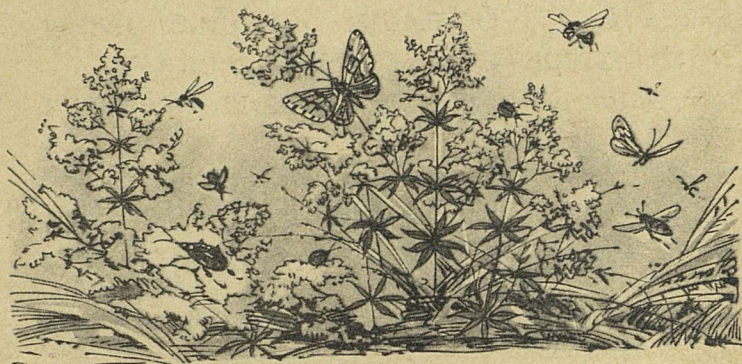
Вскоре он совсем измучился. Грустно сидел на дне закрытого цветка и думал, что уже никогда не увидит солнышка.

Вдруг он почувствовал, что цветок зашевелился. И сразу вверху прорвался свет. Прорвался сквозь щѣлочку, которой раньше там не было. А теперь она становилась всё шире и шире. И жѣлтые стены вокруг тихо опускались. Вот цветок стал опять лепѣшкой.

И жук увидел солнце! Оно поднималось за лесом. А когда его луч упал на жука, жук сразу окреп и развеселился.

— Лечу! — крикнул он солнцу.
Расправил на краю цветка свои кры-
лышки и полетел, сам не зная куда.

КАК ОБЛАЧКО

Подмаренник был ещё совсем маленьким: у него были тоненький стебелёк и узенькие листики тремя этажами. Ему ещё долго нужно было расти, чтобы стать большим и расцвести. И он ещё не знал, какие у него будут цветы.

— Прилетишь ко мне, когда я расцвету? — спросил он пёструю мушку. —

У меня будут большие-большие цветы жёлтым шариком, как у купавки.

— Не сочиняй! — сказала пёстрая мушка. — Я-то знаю, какие у тебя будут цветы: меньше моей головы и беленькие.

— Нет, не такие! Нет, большие! — сказал подмаренник и заплакал.

Но когда он увидел хорошенькую белую бабочку, он стал опять придумывать:

— Знаешь, какие у меня будут цветы? Большие-большие, голубым колпачком, как у колокольчика. Прилетишь тогда ко мне?

— Не сочиняй! — сказала белая бабочка. — Я-то знаю, какие у тебя будут цветы: меньше моего глаза и беленькие.

— Нет, не такие! Нет, большие! — сказал подмаренник и заплакал.

Он плакал, пока не пошёл дождь. А после дождя он познакомился с дождевой каплей и рассказал ей о своём горе.

— Я хочу, чтоб у меня были большие, красивые цветы. Я хочу, чтоб их было всем видно. И чтобы ко мне все прилетали. Ну на что мне цветочки меньше мушкиной головки, меньше бабочкиного глаза!

— Успокойся, — сказала дождевая капля. — Видишь это круглое облачко? Я раньше жила в таком же облачке. И, знаешь, ведь оно всё из капелек, из таких малюсеньких капелек, что их не видно. А гляди, какое облачко! Уж его-то видят все. Может так случиться и у тебя: цветочки-то будут маленькие, но зато их будет много.

— Да, очень-очень много! — сказал подмаренник и развеселился.

И больше он уже не думал о своих цветах.

А когда он вырос совсем большим и расцвёл, то вспомнил дождевую каплю. Вспомнил потому, что у него было так много малюсеньких цветочков и они так густо сидели на стебельках, что все вместе очень походили на малень-

кое облачко. И к этому облачку со всех концов лужайки летели мушки и жучки.

— Каким я раньше был дурачком!— говорил подмаренник. — Ну зачем мне были нужны большие цветы?

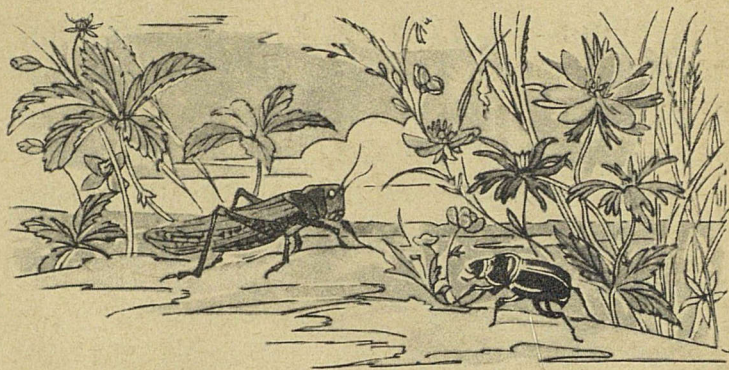
одуванчики и лютики. Как блестят лепестки у лютика! В них видишь мордочку другой кобылки. Знаешь, как это бывает, когда глядишь в воду.

— Я прилечу к тебе и посмотрю, — сказал навозный жук.

И он стал собираться. Но, по привычке, всё копался и копался. И прокопался очень долго. А когда полетел, то не нашёл жёлтого луга. И при встрече пожаловался кобылке.

— Ах, — сказала кобылка, — да ведь луг-то теперь не жёлтый, а белый! Там цветут тмин и ромашка, дрёма и подмаренник. Какие мелкие цветочки у под-

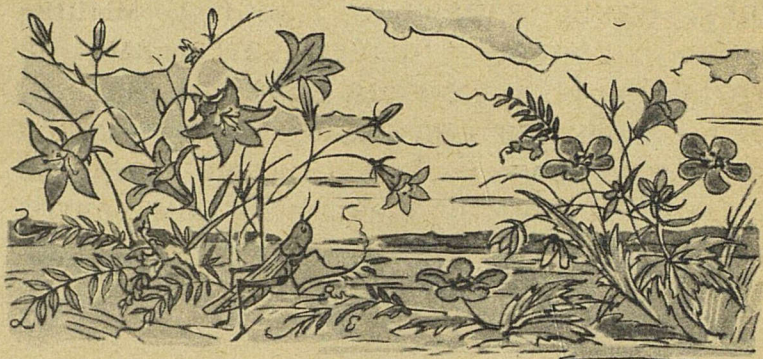

ЖЕЛТЫЙ, БЕЛЫЙ, ЛИЛОВЫЙ

Был такой хороший весенний день, что даже навозному жуку захотелось приподнять свои пыльные крылья и полетать. И, увидев попрыгунью-кобылку, он спросил, где она живёт.

— На весёлом жёлтом лугу, — сказала кобылка. — Там цветут свербига,

маренника! Заберёшься между ними — и точно облачко вокруг тебя. А как пахнет!

— Я прилечу к тебе и понюхаю, — сказал навозный жук.

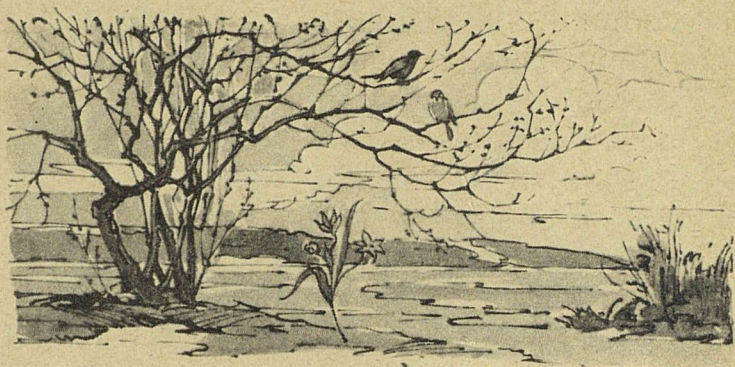
И он стал собираться. Но, по привычке, всё копался и копался. И прокопался очень долго. А когда полетел, то не нашёл белого луга. И при встрече пожаловался кобылке.

— Ах, — сказала кобылка, — да ведь луг-то теперь не белый, а лиловый! Там цветут колокольчики и короставник, полевая герань и мышиный горо-

шек. Какие забавные усики у мышинного горошка! Он цепляется ими за травинки. И на нём так славно качаться!

— Качайся на здоровье! — сказал навозный жук. — А я больше туда не полечу. Уж не расцветут ли там завтра чёрные цветы? Нет, я предпочитаю свою родную дорогу. Навоз — всегда навоз, и пыль — всегда пыль. А серый цвет для глаз всего приятнее.

ПОД КУСТОМ

Старый куст очень не любил, чтобы под ним что-нибудь росло, пусть даже совсем тоненькая травка.

И с самой весны, как только почки на его голых ветках начинали толстеть, куст уже поглядывал вниз. Поглядывал — не выросла ли там какая-нибудь нахальная травинка.

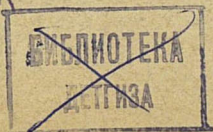
И потому, когда он заметил под

своей нижней веткой жёлтенький цветочек — гусиный лук, — он очень рассердился.

— О чём ты думал, когда выбрал это место? — крикнул он цветку.

— Да я никогда и не думаю, — сказал цветочек.

И это была правда: он не думал. Он просто радовался, что живёт. Радовался теплу, и солнышку, и небу, и весёлым мушкам, которые садились на его цветы. Он радовался и раскрывал один за другим свои звёздочки-цветочки.

А у куста из почек вылезли листья. И куст, поглядывая вниз, грозился:

— Вот погоди, гусиный лук, скоро ты узнаешь, что такое тень!

Но гусиный лук не пугался. И по-прежнему радовался, что всё кругом так хорошо. Первые цветочки у него уже отцвели, и в зелёных коробочках росли семена.

А листья на кусте раскрылись. И под кустом поселилась тёмная тень. И не стало видно неба. От огромного неба остались только маленькие голубые лоскутки.

Жёлтые цветочки гусиного лука уже отцвели, а семена начинали поспевать.

— Как тебе нравится моя тень, гусиный лук? — крикнул куст. — Хорошо ли тебе теперь живётся?

— Я немножко устал, — сказал гусиный лук, — и мне хочется спать.

— Неправда! — сказал куст. — Ты просто ослабел и скоро умрёшь. Моя тень убивала все травы, которые вырастали там, внизу.

Листья на кусте распрямились и росли. А вверху над ними, на высоких деревьях, тоже появились листья. И тень под кустом с каждым днём становилась всё чернее и чернее.

— Жив ли ты ещё, гусиный лук? — крикнул куст.

Но никто ему не ответил.

— Наконец-то погиб, — сказал куст. — И прекрасно! От моей тени нет спасенья ни одной травинке.

И до самой осени под старым кустом не выросло ни единой зелёной былинки. Осенью листья опали. Ветки куста опять стали голыми. И сквозь них снова было видно и огромное небо и солнце. Только некому было смотреть и радоваться.

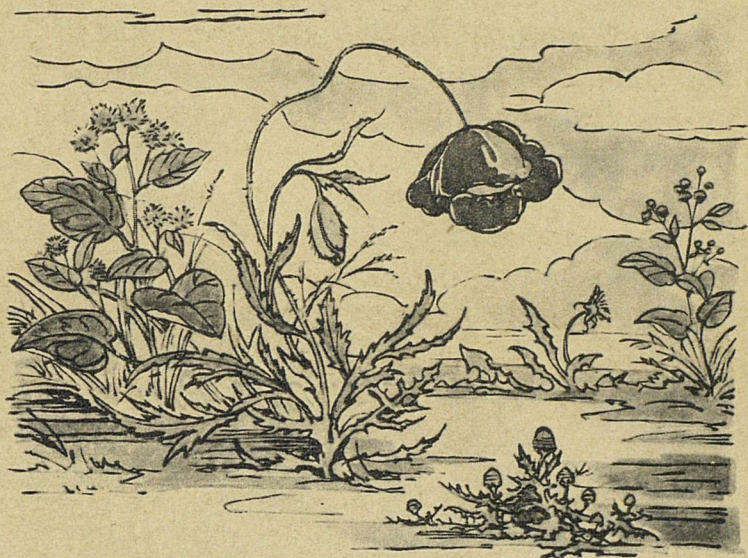
Но прошли осень и зима. И опять наступила весна. Старый куст ещё не успел проснуться, а внизу под ним какой-то сильный зелёный росток проколол прелые листья. Проколол, развернул свои листики, выпустил стебелёк и раскрыл жёлтую звёздочку — цветок.

— Гусиный лук! — крикнул куст. — Ты ожил, гусиный лук?

— Да я и не умирал, — сказал цветочек.

И это была правда: он не умирал. Он просто был маленькой луковицей это время. Он был маленькой луковицей и спал под землёй. Спал всё лето, и осень, и зиму, чтобы снова вырасти весёлым цветочком весною.

ТРАВКА ПУПАВКА

Подул весенний ветерок, и все травки обрадовались, что можно поболтать. Болтать они могли, только когда их качал ветерок.

— Смотрите, смотрите! — зашелестели травки. — Кто это там вырос, прямо на дорожке?

И они качнулись низко-низко, чтобы получше разглядеть.

А там, посреди дорожки, росла низенькая, толстенькая травка Пупавка с листочками, как ниточки.

— Дурочка, дурочка, — шелестели травки, — зачем ты тут выросла?

— А мне здесь нравится.

— А когда затопчут, понравится, понравится, понравится?

Травка Пупавка обиделась, что её дразнят, и перестала разговаривать. Молчит и пахнет. Молчит и пахнет. Она была очень душистая.

Дядя Репейник её пожалел и сказал:

— Не беда! Затопчут — отрастёшь снова. Так всегда делал мой дедушка. Он жил у окошка, где продавали квас. Сколько туда приходило ног!

А дядя Одуванчик сказал:

— И моя бабушка делала то же.

Она жила на площадке, где ребята каждый день танцевали.

— Не каждый умеет отрастать, — сказал Мак. Посмотрел на травку Пу-
павку и покачал головой...

На дворе стало очень тепло, и все травки зацвели. Зацвели кто как мог. И когда прилетел ветерок, стали хва-
статься своими цветами.

— Мои цветы — как солнышко, — сказал дядя Одуванчик. — И когда дети на них смотрят, они улыба-
ются.

— И мои похожи на солнышко, — сказал Мак. — Вот таким красным-крас-
ным оно бывает иногда по вечерам. Может, когда сердится, что его рано укладывают спать.

А дядя Репейник вздохнул. Его цве-
ты походили только на кисточки, ко-
торыми мылят лицо, когда бреются.

Все травки показывали друг другу свои цветы. И тут вспомнили про низенькую, толстенькую травку Пу-
павку.

— Покажи-ка, покажи-ка твои цветы! — зашелестели травки.

А её цветы были маленькими зелёными шишечками. Она их и показала:

— Вот у меня какие!

— Смотрите, смотрите! Вот так цветы! Вот так цветочки!

Травка Пупавка обиделась, что её дразнят, и перестала разговаривать. Молчит и пахнет. Молчит и пахнет. Дядя Репейник и дядя Одуванчик стали её утешать:

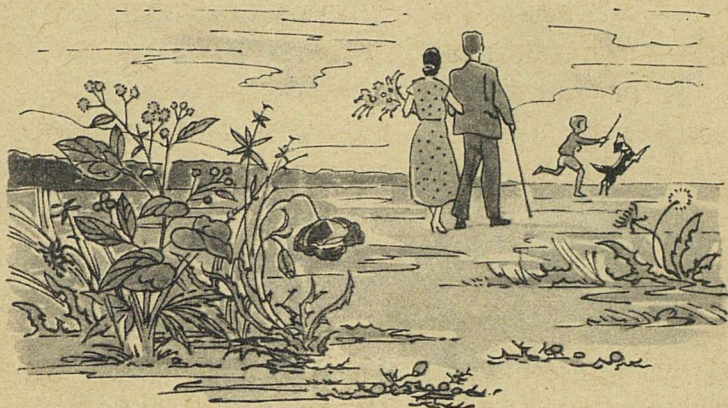
— Не беда! Зато уж на такие цветочки никто не позарится.

— И ты нисколечко не подурнеешь, когда они отцветут, — сказал Мак.

На дачу, к которой шла между травками дорожка, приехали дачники: дачница, дачник, маленький дачник и дачная собачка.

— Смотрите, смотрите, сколько ног! — зашелестели травки.

А дачники прошли прямо посреди дорожки, где росла травка Пупавка. Дачная собачка наступила на неё лох-

матой лапой, маленький дачник — сандалией, дачница — каблуком, а дачник — огромной ботиночной подошвой.

И когда они прошли, травка Пупавка уже не стояла, а лежала на земле.

— Затоптали, затоптали, поломали! — зашелестели травки.

— Теперь прощай, травка Пупавка!

И вдруг они услышали её голос:

— Нет, не „прощай“! Мне даже ни чуточки не больно.

И вскоре она
встала как ни в
чём не бывало.

И листики—зе-
лёные ниточки—
остались невреди-
мыми.

И даже цветоч-
ки—маленькие ши-
шечки — не при-
мялись.

— Вот это так
листочки!— сказал
дядя Репейник.

— Вот это так
цветочки! — ска-
зал дядя Одуван-
чик.

— Просто не
верится, — сказал
Мак.

Все травки бы-
ли очень рады, что
травка Пупавка
жива и здорова.

И в этот день её никто не дразнил.

У дяди Одуванчика цветы стали пушистыми шариками.

А когда налетел ветерок, травки зашелестели:

— Смотрите, смотрите, как летят дети дяди Одуванчика!

Они летели всюду над травой и улетали за забор и даже за речку.

Ветерок качал головку Мака, и оттуда через дырочки выпрыгивали крошечные дети Мака. И падали на землю кто куда.

— Как хорошо, что дует ветерок! Мы так его ждали! — шептали травки.

Только дядя Репейник ждал не ветерка, а дачную собачку. И когда она пробежала мимо, прицепил к её хвосту колючую корзинку. В ней сидели его ребяташки.

Дачная собачка выбежала за калитку и стала крутиться и ловить свой хвост. Вот вцепилась в колючую кор-

зинку и оторвала. А оттуда так и посыпались дети дяди Репейника.

А дядя Репейник смотрел и улыбался. Весь день летали и сыпались семена. Травки были очень заняты. Они отдохнули только к вечеру, когда прошёл маленький дождик. Тут они вспомнили, что ещё не видали деток травки Пупавки.

А она была рада, что о ней позабыли. Её дети были очень простенькие, да ещё после дождя почему-то стали липкими. Липкими-липкими, точно их вытащили из капли мёда. Травка Пупавка боялась, что такие никому не понравятся. И она не ошиблась.

— Ну и дети! — зашелестели травки. — Ну и деточки! Прилипли к маме, и никак от них не отвяжешься! Вот так детки! Что же ты станешь с ними делать?

Но травка Пупавка обиделась за деток и перестала разговаривать. Молчит и пахнет. Молчит и пахнет. Дядя Репейник и дядя Одуванчик её пожалели. Но взглянули ещё раз на её липких ребятишек и ничего не сказали.

А Мак только улыбнулся.

Опять шёл дождь. А когда он прошёл, из дачи выбежал маленький дачник и побежал по дорожке к калитке. Травка Пупавка прижалась к земле под его сандалкой. Потом он побежал по другой дорожке, через огород. А потом уже бегал в палисадник и собирал дождевых червей на всех дорожках.

Подул ветерок и прогнал последние тучи. Травки обрадовались и начали болтать. Вдруг они заметили, что травка Пупавка облысела. Облысела, как

дядя Одуванчик. Ни одного-то на ней семечка!

— Где же твои детки-прилипалки, куда они девались? — зашелестели травки.

Но лысая травка Пупавка улыбалась и молчала.

— Верно, их смыло дождём? Тебе под корешок смыло? Ну и тесно же будет расти им весной!

— Нет, — ответила травка Пупавка, — совсем не будет тесно. Теперь всё очень-очень хорошо! И как я рада, что выросла посреди дорожки!

Травки очень удивились и ничего не поняли.

А дядя Репейник и дядя Одуванчик спросили у травки Пупавки по секрету, где её дети.

И она им сказала.

А весной об этом секрете узнали все, потому что по всем дорожкам выросли маленькие травки Пупавки. И у калитки, и у кустов сирени, и по дорожке через огород, и по всем дорож-

кам в палисаднике. Везде-езде, где
после дождя бегал прошлым летом ма-
ленький дачник, вылезли маленькие
травки Пупавки.

~~4477~~

39184

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Павлова Нина Михайловна

ЖЕЛТЫЙ, БЕЛЫЙ, ЛИЛОВЫЙ

Ответственный редактор *Г. В. Карпенко.*

Художественный редактор *Г. С. Вебер.*

Технический редактор *А. С. Куприянов.*

Корректоры

Е. Б. Кайрукидис и А. Б. Стрельник.

Подписано к печати 29/IV 1957 г. Формат
60 × 84¹/₁₆ — 2 печ. л. = 1,83 усл. печ. л.
(1,62 уч.-изд. л.). Тираж 1 000 000 экз.

Заказ № 2186. Цена 75 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва,
Суцевский вал, 49.

23

00

39/94
~~4444~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература“
БИБЛИОТЕКА

0846
Цена 75 коп. 100 =

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПО СЕРИИ «МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ» ДЛЯ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В 1957 ГОДУ ИЗДАЮТСЯ:

- МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК. Русская народная сказка
У СОЛНЫШКА В ГОСТЯХ. Словацкая сказка
ПЕРРО Ш. — Красная Шапочка
БЛОК А. — Стихи
ЖИТКОВ Б. — Мангуста
МАЯКОВСКИЙ В. — Эта книжечка моя про моря и
про маяк
МАРШАК С. — Где тут Петя, где Сережа?
ЧУКОВСКИЙ К. — Муха-цокотуха
МИХАЛКОВ С. — Часы
НОСОВ Н. — Шурик у дедушки
БЛАГИНИНА Е. — Вот какая мама
АЛЕКСАНДРОВА Э. — Про маленькую Таню
БАРУЗДИН С. — Сказка о трамвае
ГАМЗАТОВ Р. — Мой дедушка
ЧЖУ БАО-ХУА — Новый костюм А Бао
и другие книги

Эти книги можно приобрести в магазинах Книготорга